

НА УЛИЦЕ

СТРАНИЦА ИЗ ДНЕВНИКА

Перевод с норвежского К. Бальмонта

Я хожу взад и вперед по своей комнате и все думаю об этом случае с разносчиком газет. В сущности, мне до него нет никакого дела, я не так уж гадко поступил с ним, да и он не имел ничего против этого. А я теперь потратил два часа, чтобы отыскать его и загладить сделанное.

Это вышло так: я шел по улице Карла-Юхана. Было холодно и темно, но главное -- темно, а было часов семь, вероятно. Я иду и смотрю вдоль улицы.

Вот на углу, у кондитерской Гюнтера, стоит мальчик, разносчик газет, и выкрикивает "Викинг". Он все повторяет одни и те же слова:

-- Купите "Викинг"!

Я не сразу заметил это; только когда я отошел на несколько шагов, его слова дошли до моего сознания. Я оглянулся, посмотрел на него и подумал: ты вполне мог бы дать ему десять эре, от этого ты не станешь еще беднее. И я опустил руку в карман, чтобы достать монету. Я отмечаю, что моим первым побуждением было действительно дать мальчику десять эре. Но в то время как я опускаю руку в карман, меня одолевает благоразумие и я говорю сам себе: какая же это помощь -- дать человеку десять эре; ведь даже десять крон не могут помочь сколько-нибудь заметно, это только ухудшит положение вещей, только развратит и так далее. Я пошел своей дорогой, предоставив мальчику стоять.

Я дошел до самого университета и той же дорогой вернулся назад. У окна книжного магазина Каммермейера я останавливаюсь и смотрю на выставленные книги, и в то время, как я стою так, повернувшись спиной к улице, я опять слышу голос газетчика. Он был как раз позади меня. Он спорит с двумя пьяными матросами в фуражках из-за номера "Викинга", который они случайно порвали. Матросы не хотели платить за порванный номер, и мальчик заплакал или притворился, что плачет.

Я подхожу к ним и узнаю, в чем дело; затем я строго говорю матросам, что, конечно, их долг -- заплатить мальчику. Но это не помогло, они посмеялись надо мной и сказали:

-- Послушайте-ка его!

Это ужасно меня рассердило, и я стиснул зубы.

А я когда-то получил в подарок большую круглую булавку для галстука, похожую на что угодно; она так велика, что может сойти за полицейский жетон или за какой-нибудь тайный значок, и эту булавку я всегда ношу на левой стороне груди, под пальто. И вот теперь, когда эти пьяные матросы забавляются разорванным номером "Викинга" и отказываются за него платить, мне вдруг приходит в голову дерзкая мысль: я поворачиваюсь к шутникам, распахиваю пальто и показываю им мою странную булавку. Мы смотрим с минуту друг на друга; затем я говорю холодно и твердо:

-- Заплатите или следуйте за мной!

Это помогло. За "Викинг" было заплачено, и мы, четверо, спорившие из-за газеты, пошли всякий своей дорогой. Мальчик вытер глаза и пошел по Карла-Юхана в одну сторону, я -- в другую. Матросы, пошатываясь, побрели в сторону "Тиволи".

У почты я повернул и снова пошел по улице. Мои мысли все еще были заняты газетчиком. Я думал: ты помог мальчишке получить свои деньги, он тебе, конечно, благодарен за это и не станет тебя больше окликать, если ты его встретишь; у него есть чувство такта, может быть, он получил хорошее воспитание.

Около "Гранда" я увидел его опять. Он стоит под самым фонарем, так что я ясно вижу его, и я говорю себе, приближаясь к нему, что, как только он заметит меня, он замолчит как убитый, пока я не пройду мимо. Я прохожу как можно ближе к фонарю, чтобы дать ему возможность узнать меня.

Я ошибся в расчете. Он не сделал никакой разницы между мной и любым другим, он протянул мне газету и сказал, что я должен купить "Викинг".

Я прошел мимо него молча и обиженно. Я горько ошибся в нем; это был, конечно, всего лишь мальчишка из Вики, жалкий уличный мальчишка, который уже курит табак и "теряет" свою тетрадь с отметками, когда там стоят плохие баллы. Одним словом, я имел дело с настоящим маленьким мошенником. Я очень досадовал на него, когда пошел дальше и почувствовал в душе, что поступил с ним по заслугам, не пав ему тех десяти эре.

Теперь не хватало только, чтобы он окликнул меня в третий раз! Он был способен на это, ведь я